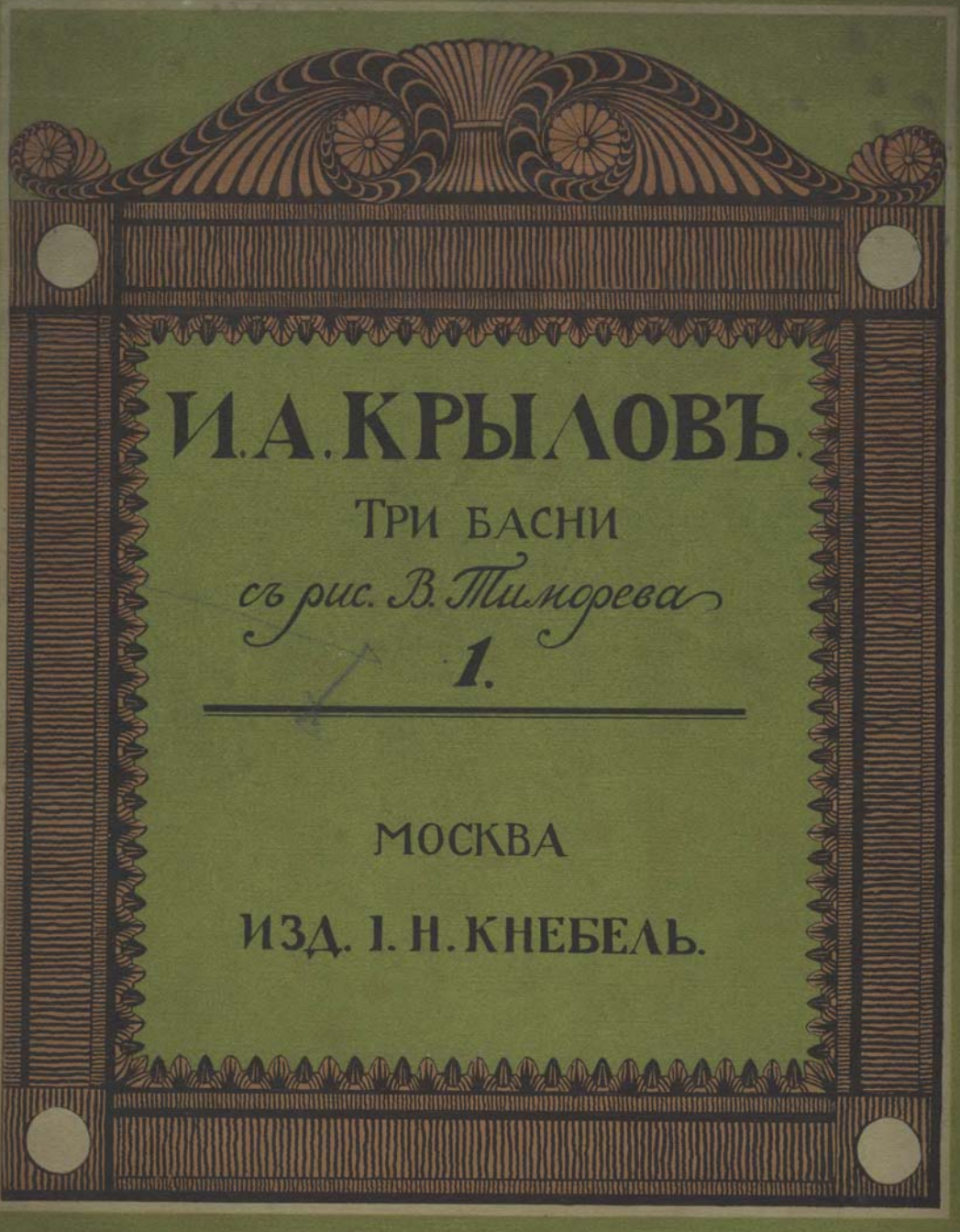

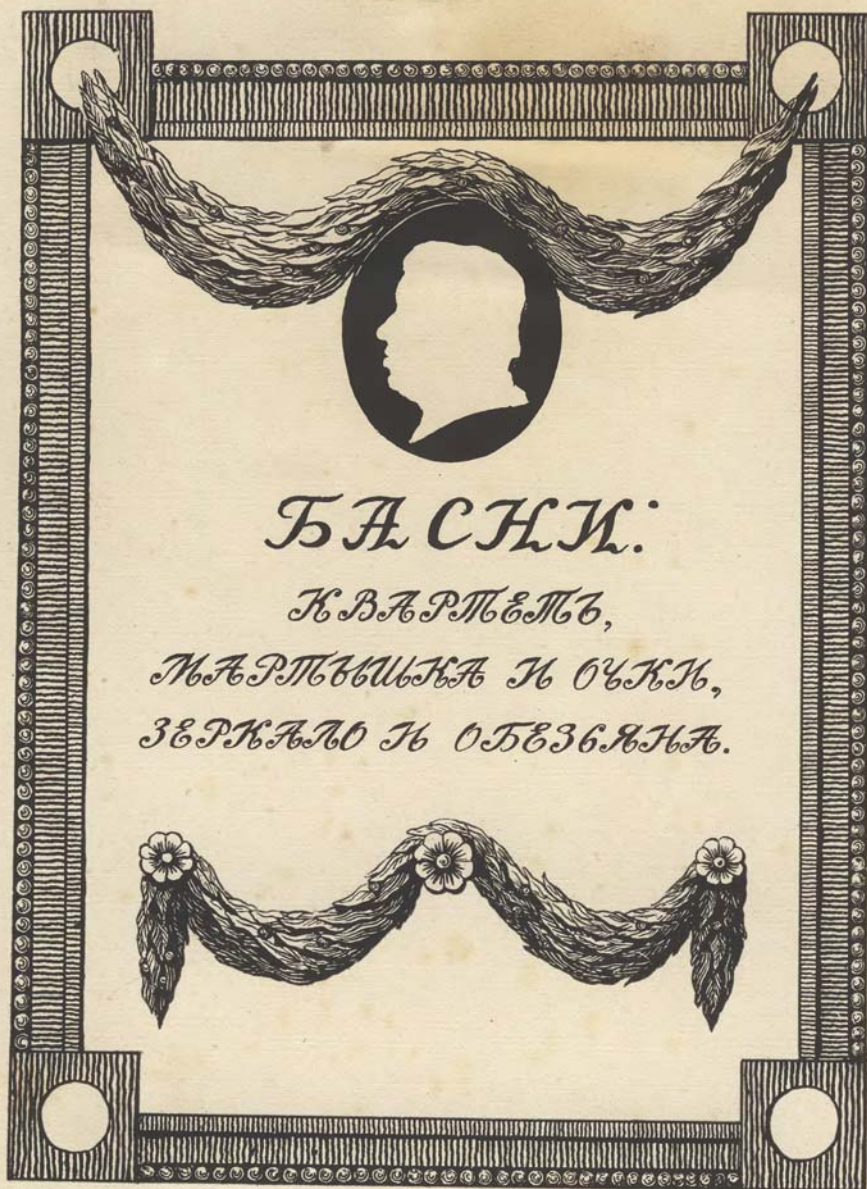
И. А. КРЫЛОВЪ.

ТРИ БАСНИ

съ рис. В. Тиморева
1.

МОСКВА

ИЗД. І. Н. КНЕБЕЛЬ.

ФАСНН.

КВАРТЕМБ,

МАРТИНОВА И ОЧЕН,
ЗЕРКАЛО И ОБЪЕЗДНА.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Осель,
Козель,

Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ.

Достали нотъ, баса, альтъ, двѣ скрипки,

И сѣли на лужокъ подъ липки

Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.

Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.

„Стой, братцы, стой!“ кричитъ Мартышка: „погодите,

„Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альтъ

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ“,
Кричитъ Оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.“
Послушались Ослы: усѣлись чинно въ рядъ,
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть,
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ
рѣшить сомнѣнье;
„Пожалуй“, говорятъ, „возьми на часъ терпѣнье,

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести;
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“

—„Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье,
И уши вашихъ понѣжнѣй“,
Имъ отвѣчаетъ соловей:

„А вы друзья, какъ
Все въ музыканты

ни садитесь,
не годитесь!“

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины она себѣ достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ
нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;

Очки не дѣйствуютъ никакъ.

„Тѣфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,

Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:

Все про очки лишь мнѣ налгали;

А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ!“

Мартышка тутъ съ досады и печали

О камень такъхватила ихъ,

Что только брызги засверкали.

Къ несчастью,—тожъ бываетъ у людей:
 Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
 Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонить,
 А ежели невѣжда по знатнѣй,
 То онъ ее еще и гонить.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкѣ ногой:
„Смотри-ка“, говоритъ, „кумъ милый мой,
Что это тамъ за рожа!
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась-бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть:“
— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться“—
Ей Мишка отвѣчалъ,
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ,—всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ укладкою киваетъ на Петра.

